

Антироссийские тенденции в идеологии татарского национализма конца XIX - начала XX вв. // Либеральные и тоталитарные образы истории. Альманах «SOCIO-ВЕРСИЯ». Вып. 2. – Казань – Набережные Челны: Изд-во «ИНЭКА», 20005. – С.132-141.

Гафаров А.А.

**Антироссийские тенденции в идеологии татарского национализма
конца XIX – начала XX вв.**

*«Среди неравноправных имеется два имени.
Первое – это «татарин», второе «мусульманин».
Эти двое угнетались и растаптывались больше
всех. Никто и ничто не может вырвать этого из
моего сердца. Никогда это чувство не
уничтожится. Лишь когда я умру, со мной вместе
погаснет и это чувство».* М. Султан-Галиев

Русско-татарские отношения, охватывающие в своем развитии многовековую эпоху, по молчаливому согласию большинства специалистов, являются центральной проблемой всей этнополитической истории нашей страны. В контексте противостояния культурных парадигм сложился противоречивый комплекс взаимного восприятия. Во второй половине XIX в., по мере роста национального самосознания архетипичные (во многом стихийные) образы, уступают место более осознанным, научно и идеологически выраженным концепциям. Джадидизм, как общественно-политическое, культурническое явление, как наиболее-организованная форма татарского национального движения, поставил задачи определения национальной идентичности, места в империи, а соответственно определения своего отношения к России и русскому народу.

Как это ни странно, на внешне простой вопрос, «как должна относиться угнетаемая колония к метрополии?», отечественная историография до сих пор затрудняется дать однозначный ответ. Признавая жесточайший национальный гнет и соответственное отвращение ко всему русскому¹, адепты неоколониализма при этом пускались в простран-ные рассуждения о силе социального братства трудовых масс, подменяя, таким образом, национальный вопрос вопросом социально-политическим. К сожалению, представителям самих национальных движений высказываться по этому вопросу было затруднительно вследствие особенностей политического режима страны. Поэтому в их отношении к России постоянно присутствовали две противоположные позиции: чаще, открыто декларируемая, лояльная и враждебная, нередко скрываемая под покровом внешней лояльности.

Впервые сакраментальные вопросы «кто мы? откуда? и куда мы идем?» поставил выдающийся ученый и просветитель татарского народа Ш Марджани. В своем фундаментальном труде «Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар» (Кладезь сведений о делах Казани и Булгар) он попытался осветить происхождение и проследить историю татарского народа. Повествуя о великом прошлом он с болью пишет, что «большинство народа даже смеет считать, что мы вот так, испокон веков, влачили жалкое существование под пятой Русского государства»². Однако описание до падения Казани во второй части сменяется историей мечетей, медресе и деятельности духовенства³. Известно, что все сюжеты, касающиеся татарского национально-освободительного движения, факты колониального угнетения нерусских народов, биография имама Шамиля были изъяты цензурой⁴.

Памятуя печальный опыт предшественников,⁵ И.Гаспринский, (получивший благословение Марджани на издание газеты «Тарджеман»)⁶, был предельно осторожен в своих высказываниях. Его работа «Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения» (1881) на долгие годы стала своеобразным манифестом раннего джадидизма и татарского либерализма.

Впервые татарский публицист обратился «к широкой публике на ее родном языке и по русски ко всей грамотной России, благодаря чему он приобрел многократно большую аудиторию»⁷ (чем Марджани, который писал преимущественно на арабском языке). Сверхосторожная манера не помешала ему выразить свое отношение к российской колониальной политике... «Русское господство над татарами до сих пор, насколько мне известно, выразилось только в следующем: я владею, вы платите и живете как хотите... каков же результат? Общественная и умственная изолированность мусульман, глубочайшее невежество, мертвая неподвижность во всех сферах их деятельности, постепенное обеднение населения и края и, по окраинам, гибельная эмиграция!»⁸ Резюме однозначно, «...русское господство не ведет мусульман к прогрессу и цивилизации»⁹.

Выражая «наивную» веру в отеческую заботу российского самодержавия о нуждах подданных-мусульман, Гаспринский риторически вопрошает: «Нам не известно, какой руководящий принцип лежит в основе отношения русской власти, русской политики к русским мусульманам»¹⁰. Тут же сам отвечает: «Система ассимиляционной политики, с какой бы выдержкой и тактом она не проводилась, носит в себе характер принуждения, ограничения прав данной народности и по этому одному уже имеет за собой очень мало симпатий ...Мы не находим необходимых оправданий для политики поглощения одной народности другою, политики русификационной в нашем отечестве, если слово «русификация» понимать именно в смысле поглощения русскими других народностей империи»¹¹.

Объясняя бесперспективность ассимиляции, Гаспринский прежде всего, отмечает

самодостаточность, замкнутость мусульманской общины: «... они (мусульмане) в своей религии и проистекающем из нее своем общественном быте имеют весьма крепкую, почти непробиваемую силу сопротивления всяким чуждым (в данном случае - русским) влияниям... Мусульманская община представляет компактную, прочную массу, живущую особой своеобразной жизнью, влиять на которую в смысле русификации едва ли возможно...»¹².

Гаспринский противопоставляет России государственную систему, имеющую «за собой правду и справедливость», приводя в пример страны с демократическим политическим устройством. «На основе всестороннего равенства племенной самобытности мирно и счастливо живут в государстве Соединенных Штатов немцы, французы и англичане, в Швейцарии - немцы, французы и итальянцы»¹³. В итоге он выражает надежду на «возможность единения, сближения нравственного, на почве равенства, свободы и образования»¹⁴.

Через 25 лет, став признанным лидером мусульманского движения, Гаспринский в книге «Русско-восточное соглашение» (1896) вновь возвращается к главной теме. Впервые в легальной печати представителем национального движения был поставлен вопрос о цивилизационном соотношении России и Востока (прежде всего мусульманского Востока) в соответствующих геополитических координатах. В целом Гаспринский не считает Россию Западом, соответственно ему чуждо противопоставление России Востоку. Напротив, он подчеркивает генетическое родство и единство их геополитических интересов. В этом смысле «раннего» Гаспринского можно назвать первым адептом евроазиатства. Более того, залогом партнерства он считает непримиримое противоречие России, Востока с западной цивилизацией. (Что в свое время воспел (только с другой стороны «баррикады») знаменитый Киплинг Р.: «Запад есть Запад, Восток есть Восток! И с места они не сойдут!»)

Стремление связать внешнеполитические интересы России с мусульманскими странами (прежде всего Персией и Турцией)¹⁵ зачастую приводит автора к заметным противоречиям. Отмечая «Европа общий враг Турции и России»¹⁶, тут же признает: «значение для России проливов и выхода на юг к океану весьма понятно»¹⁷. В целом «Русско-восточное соглашение» - страстный призыв просветителя к нормализации политики империи в отношении мусульман России.

Как видим, Гаспринский «прилагал немало усилий, чтоб казаться лояльным монархистом, но именно эта позиция сделала его мишенью для многих радикально настроенных националистов в нач. XX в.»¹⁸, обвинявших его в приспособленчестве. Однако, именно он, как ни кто другой, понимал рамки дозволенного, границы определенные цензурой. Как

весьма точно подмечает Климович Л.И.: «трудно писать тюркским ученым публицистам эпохи Александра Ш, и к каким уверткам они принуждены были прибегать для того, чтобы среди чисто показного и патриотического пафоса пропустить свои сокровенные мысли»¹⁹. С ним солидарен Каттнер Т.: «он был искусственным мастером маневрирования тяжелой рукой русского цензора, но ему это стоило молчания и отказа от права непосредственного выражения своих политических взглядов»²⁰.

Двойственный характер патриотических реляций джадидских лидеров вызывал еще большие подозрения у апологетов российского колониализма. В знаменитой переписке с Победоносцевым К.П. Ильминский Н.И. предупреждает: Гаспринский хочет «привести к татарам европейское образование, но только отнюдь не через Россию... татарская интеллигенция, замазывая русские глаза мнимым рационализмом, или либерализмом, усиливается создать мусульманско-культурный центр в России»²¹. И через восемь лет он продолжает настаивать, что «Тарджеман» «последовательно и настойчиво проводит мысль, неблагоприятную для православного русского государства и общества»²². Отнюдь не случайно, некоторые оценки Ильминский просит сохранить в тайне, поскольку «...наши супостаты нас подслушивают и перечитывают и наши замыслы заблаговременно разрушают»²³.

«Когда же Гаспринский имел возможность свободно излагать свое мнение, то он проявлял себя истинным и последовательным националистом и даже явным, открытым противником русских»²⁴. Его суждения о сотрудничестве с русскими «не нашли должной поддержки ни в царском правительстве, ни среди монархических партий правого крыла». В результате в 1908 г. Гаспринский выступил в каирской арабо-язычной газете «Ан-Нахда» («Ренессанс») с призывом к объединению мусульман и сотрудничеству с Западом (Великобританией, США, Францией, Германией, но не с Россией)²⁵. (Не случайно, именно газету «Тарджиман» департамент полиции определил, как главный орган панисламизма в России.)

Выход первой татарской книги за рубежом подтвердил опасения властей. В памфлете «Чулпан йолдызы» («Утренняя звезда»), опубликованном в Стамбуле в 1895 г., Р.Ибрагимов обрушился на политику царского правительства, открыто указав на ее главную цель - христианизацию и русификацию мусульманского населения. Р.Ибрагимов в Стамбуле, а в последствии и в России «выступал ярким проповедником идей аль-Афгани, призывал мусульман к пробуждению и объединению под единым знаменем для борьбы против иноземных поработителей»²⁶. Чувства и мысли, лежавшие под спудом, идеи исламизма вырвались на свободу. «Чулпан йолдызы» стала первой запрещенной татарской книгой, а ее автор был арестован по возвращении на родину. «Цензура не оставляла никаких надежд на объективное отражение положения татар в России»²⁷.

Вместе с тем, правоохранительные органы фиксируют и новые черты национального движения тюрко-татар: «С возникновением специальной панисламистской печати явилось стремление создать общий для всех мусульман тюркский язык, который, будучи понятным, как туркам, так и татарам, может иметь и политическую цель – именно уничтожение перегородок между отдельными турецкими племенами и объединение всех тюрков в один народ и в одну нацию»²⁸.

Тенденции развития национально-освободительной идеологии более подробно исследует в работе «Три политических направления» (Египет, 1903), в будущем видный идеолог татарского национального движения, Ю.Акчурина: «В настоящее время имеется три политических движения, привлекавшие к себе внимание всего мусульманского, всего тюрко-татарского мира. Одно из них, господствовавшее до настоящего времени, – движение за исламское единство или панисламизм, второе – господствующее в настоящее время среди османских тюрков – оттоманизм (или османизм – Г.А.), движение за оттоманскую государственность, наконец, третье – только что родившаяся и долженствующая в результате объединить весь тюрко-татарский мир – идея пантюркизма... Потому что панисламистское движение, охватывая Индию, Египет, и другие мусульманские области, находящиеся в настоящее время под властью сильных европейских государств, встречает со стороны последних большое противодействие. Противодействие это настолько сильное, что едва ли с ним мы справимся. Так же и оттоманизм ни сейчас, ни в будущем не сумеет собрать вокруг себя тюрко-татарские народы других государств. В этом движении османские турки, как были, так и останутся одиночками. Общее же пантюркистское движение, как направленное, прежде всего, против России, не только не встретит враждебности со стороны других европейских государств, но, наоборот, в их среде мы найдем себе покровителей»²⁹.

Идея пантюркизма, провозглашенная со страниц «Тарджемана», вскоре стала весьма популярной, найдя большое число сторонников в среде джадидской интеллигенции. «Руководители движения, одни, уйдя в подполье, другие, эмигрировав в Турцию или в Египет, продолжали вести работу. Таким образом, уже перед революцией 1905 года пантюркистское движение вышло из состояния идеи пропагандируемой отдельными личностями и стало сильным политическим движением передовой татарской буржуазии»³⁰

В начале XX в., по мере обострения общей социально-политической ситуации в стране, усиливается радикализм национального движения. Отмена предварительной цензуры, демократические изменения, произошедшие в ходе I российской революции, привели к более свободному выражению национальных чувств в общественно-политической жизни, публицистике, научной и художественной литературе. («Взрыв»

привычного этноконфессионального равновесия с неудовольствием отметил обозреватель татарской мусульманской печати Элиф-Би («Казанский Телеграф»): «Так называемое «освободительное движение» в сильной степени всколыхнуло татар-мухамедан, которые с какой-то особенной поспешностью заговорили о своих правах и нуждах и для обсуждения этих вопросов усердно принялись за издание газет и журналов на татарском языке³¹. Ему вторит в «Обзоре учебников» цензор Коблов Я.: «...Татарские авторы как будто еще не могут освоиться со своим положением русских подданных и смотрят на русских как на посторонних... В недрах государства изучается нация, чуждая интересам русской государственности»³².)

На открытии I Всероссийского съезда мусульман (15.08.1905) А.-М.Топчибашев, один из лидеров национального движения, обращаясь к собравшимся, дал волю чувствам: «Мусульмане, братья! Я сегодня так рад, что эту свою радость не смогу передать вам никакими словами. Этот день никогда не выйдет из моей памяти. Этот день для всех мусульман России станет ежегодно справляемым праздничным днем. Мы дети тюрков, одного мы происхождения, одного мы народа, одной веры. Когда-то наши деды владели землями от запада до востока. Несмотря на такое могущество наших дедов, ныне мы не смеем говорить о своих нуждах на своей же земле, на своей же родине, в бывших владениях наших дедов, в горах Кавказа, садах Крыма, и на полях Казани. Но, слава аллаху, несмотря на лукавство и коварство царских чиновников, несмотря на гонения, нам на воде³³ удалось открыть свои сердца, свидеться друг с другом, обняться...»³⁴

Вместе с тем, идеи национального возрождения в этот период публично не связываются призывами политического самоопределения. В целом, национальные программы татарских политических партий не выходят за рамки культурно-национальной автономии. Однако эта зримая часть айсберга татарского национального движения отнюдь не показательна. В противном случае сложно объяснить тот взрыв национально-государственного строительства который произошел после февральской революции. Внутреннее «взросление», этнокультурное дистанцирование от Российской империи происходило задолго до 1917 г.

Демократическая революция в Турции (1908-1909), свергнувшая деспотию Абдул-Хамида II, снискала широкие симпатии передовой тюрко-татарской общественности. Подчеркивая влияние турецких событий на жизнь и мировоззрение российских мусульман, департамент полиции отмечает: «Баку, Казань, Оренбург, Елисаветполь – в особенности, всецело в руках младотурок, и большая часть интеллигенции только и говорит о партии «Единение и прогресс»³⁵. Эволюция младотурков на позиции тюркизма способствовала сближению, интеграции, усилению взаимовлияния движений российских и османских тюрков.

Не случайно, в документах полиции радикальное крыло татарского национального движения определяется как «младотатарское». Многие лидеры тюрко-татарского движения, гонимые российской реакцией, перебираются в Турцию, способствуя распространению тюркизма среди турок. В свою очередь Турция предоставила тюрко-татарской эмиграции легальные возможности для расширения пропаганды тюркизма и исламизма.

Своеобразным апофеозом протурецких симпатий стал приезд бывшего великого визиря Хусейн-Хильми паша в Казань (апрель, 1910 г.). Наряду с официальными контактами с местной администрацией Хильми-паша имел многочисленные встречи с представителями татарской общественности, предпринимателями, журналистами, учителями и духовенством (М.-Р.Юнусовым, Б.Апанаевым, И.Утямышевым, А.-Г.Максудовым и др.), в том числе с духовным лидером татарского национального движения, «недавно только вернувшимся из административной ссылки», муллой Г.Галеевым (Баруди). Приезд высокопоставленного гостя из Турции имел широкий резонанс среди жителей Казани, прежде всего татарского населения. Тысячные толпы приветствовали его в татарской части города. По свидетельству проф. Катанова, сопровождавшего гостя, Хильма-паша попросил представить сведения относительно числа, религии, мест обитания волжских и сибирских инородцев, говорящих на татарских диалектах, о родственных отношениях казанских, золотоордынских, крымских ханов и Чингисхана, а также о взаимном сходстве и различии татарских диалектов³⁶.

«От Китая до Марокко, от Каира до Уфы, ислам находится в движении, - с энтузиазмом пишет один из мусульманских публицистов. – Период невежества сменяется эпохой просвещения; угнетение и произвол уступают место свободе и справедливости. Мусульмане всего мира должны воспользоваться этим моментом, от этого зависит судьба их религии: или возрождение или полное разрушение» («Колокол», 14.01.1910)³⁷.

Эта тенденция проявилась по всему спектру татарского национального движения. Даже крайне правое (некогда верноподданническое) крыло не осталось в стороне от общих подвижек. Академик Бартольд. В.В., посетив в 1913 г. Башкирию и Приуралье, писал о том, что «русские власти сочувствуют староверам (т.е. кадимистам) и считают их преданными России, хотя в журнале «Дин вэ магишат» («Вера и жизнь», Оренбург) открыто применяется к России теория «дар аль-харб». Согласно этой «теории», Россия для мусульман - «страна войны», примириться с которой правоверным не положено»³⁸.

Важным фактором стал момент преодоления комплекса национальной неполноценности. В статье «Габди» (1912) уже представитель противоположного крыла татарского национального движения - Г.Ибрагимов выступил в защиту национального чувства, против очернителей древней славы³⁹. Он призывает авторов («Новые произведения» (1911))

показать величие и могущество их предков так, чтобы любовь к татарскому была у них в подсознании, они гордились принадлежностью к этому народу, привязались к нему душой. Для этой великой цели, поскольку речь идет не о науке, а об учебнике (учебнике истории Ф.Карими), допустимо приукрасить свое прошлое, и, если необходимо, исключить из него недостойные страницы⁴⁰. То, что это удалось, подтверждают размышления Уфимского епископа Андрея: «Вся мусульманская пресса... преследует совершенно определенные цели крайнего сепаратизма, почти ненависти ко всему русскому»; что татарам удастся объединить всех мусульман «в одну огромную антирусскую массу... И нужно помнить великого Ильминского, что «татары в их собственных глазах - царственная нация, и что мы никогда не должны забывать это, как бы прекрасно не говорили о лояльности к русским»⁴¹.

Предгрозовой пафос звучит в статье «Русская, тюркская и татарская истории» (1913). Где сопоставление русского и татарского Г.Ибрагимов выводит на уровень сопоставления исторической судьбы и национального духа, «Самые грозные события мировой истории порождались энергией тюрко-татарского мира, которая выбрасывалась могучими потоками, подобно извержениям вулкана или наводящим на людей ужас и исчезающим молниям. Русские же тяжелы на подъем, но все растут и крепнут. Мощь жизненной энергии у тюрко-татар настолько сильна, что индивид способен пожертвовать всем ради ее реализации. Личное становится выше общественного, собственное «я» побеждает татарское начало. Русское начало для русских столь свято, что ради него они способны пойти на любые лишения и страдания. Сила русского духа рождает их героев, у татар герой сам создает народ и становится распорядителем судеб»⁴².

«Движение это становится еще более грозным потому, что оно на вид незаметно, - предостерегает автор статьи «Настоящее и будущее панисламизма» (журнал «Мусульманин», Париж), - никто не может сказать, что делается, так как ни один правоверный не согласится выдать эту тайну»⁴³.

Консолидирующим фактором татарского национального движения стало открытое неприятие правительственной национальной политики (прежде в области духовной и культурной жизни). Член IV Государственной Думы И.Ахтямов выразил общее настроение: «...у правительства имеется особая программа по отношению мусульман и программу эту оно понемногу вводит. По этой программе мусульмане не должны иметь общего учреждения (т.е. общего духовного управления над всеми духовными собраниями). Правительство недовольно и настоящим духовным собранием... говорят: нельзя идти против магометанства, так нужно идти против татарства. Боятся, что Оренбургское муфтийство отатаривает всех мусульман России, и ищут способа бороться с этим. Правительство говорит, что оно сделало ошибку, открывая при татарских медресах русские

классы и светские предметы...» («Юлдуз», №1205, 1914)⁴⁴.

Мусульманский съезд в Петербурге (июнь, 1914), созванный накануне I мировой войны, подвел своеобразный итог этапу внешней лояльности. Твердое, почти упрямое, стремление мусульман бороться за свои права звучит в заключительной речи А.-М. Топчибашева: «Собравшись сюда, мы не приготовили новых пожеланий, а, повторяя миллион раз о необходимости получения нами разных прав, еще раз здесь вспомнили о том же. Постановления не являются нашей просьбой, а скорее выражением необходимости для нашего существования предоставления прав, которых нам не дают, хотя они составляют естественную и насущную, как пища, вода и воздух, нашу потребность»⁴⁵.

«Как за последнее время сильно развилась пропаганда панисламизма, - докладывает департамент полиции, - наглядно видно из следующих, полученных совершенно секретным путем, сведений; один турецкий эмиссар, недавно основавшийся в Казани в качестве учителя, говоря о своей задаче и возможности быстрого ее разрешения, выразился так: «Гяуры и не мечтают о том, что готовят им обновленные мусульманские государства, После того как нам и персам удалось освободиться от тяготевшего над нами абсолютизма, наступило время подумать об объединении в одно политическое целое Турции и Персии. После осуществления этого святого проекта – остальные мусульманские государства, безусловно, пожелают добровольно войти в состав новой великой мусульманской империи. Вот когда мы вступим в борьбу с христианскими государствами, в особенности с проклятой Россией и отомстим ей за все поражения и за все унижения».

Что это не увлечение одного только турецкого эмиссара и не плод его разгоряченной фантазии, доказывается полученным также секретным путем письмом секретаря турецкого султана, - почетного флигель-адъютанта, полковника Исмаила Хакки, адресованным в Россию, в Туркестан, в Старый Маргелан, на имя Абдура Абдурахмана-Оглы, в котором Хакки пишет: «Надеюсь, что мусульманская община здравствует. Я сообщил... нашему отцу султану о том отменном приеме, какой оказали мне ваш город и повсюду в Туркестане наши единоверцы в течение трех месяцев, проведенных мной в ваших краях. Халиф остался очень доволен, видя, что его верные тверды в своей вере против злобы со стороны неверных. Мужайтесь товарищи, время свободы для мусульман настало. Уже в Индостане, Африке, Афганистане, Кавказе и во всем свете истинный панисламизм пробудился и готов восстать каждый против своего правительства гяуров. Милостью бога и молитвами нашего пророка, великий аллах спасет верных магометан от тирании гяуров, и мы развернем знамя пророка, знамя справедливости и истины, под которое каждый верный мусульманин обязан придти, как и всякий, желает прийти в рай вечности.

Продолжайте под большим секретом ваши сношения с мусульманскими странами, как я указал вам и комитетам каждого города, и продолжайте в мечетях, медресе, подворьях, у хаджей и именитых лиц ваши совещания, так, чтобы гяуры ничего не понимали... Дайте прочесть письмо вашему доверенному, если его нет, поищите вашего верного человека и наградите его; храните все это хорошо, мой дорогой единовец».

В прокламации Персидского комитета «Единение и прогресс» помещено следующее объявление: «Во имя мучеников из-за родины в центральном Кавказе. Братья, земляки, время помощи... Просят всех, мужественных и преданных молодых людей горячо стремиться к ниспровержению и уничтожению корня настоящего, проклятого и презренного деспотизма, и, взяв на себя молодую и горячую инициативу, отыскать на Кавказе издающую настоящее объявление святую партию «Магомедие», физически и духовно соединиться с нею и уничтожить деспотов и деспотизм. Этим они окажут великую услугу человечеству и исламу и послужат причиной воскресения нации. Да здравствует единение и прогресс – защитник родины. Пусть пропадут деспоты и разрушители родины».

В другой прокламации, распространяемой среди мусульман ташкентским депутатом панисламистом Карием (возможно: «Карие-м» - Г.Кариевым – Г.А.)⁴⁶, помещено такое воззвание: «О, смиренные мусульмане, да будет вам известно, что неверные нас все более притесняют, отчего как религия, так и материальное положение гибнут. Настало время мусульманам поднять оружие. Чтобы вести войну, нужно обеспечить себя оружием, - последнего у нас нет. Посему вас, мусульман, посылая настоящую прокламацию, прошу постараться, по силе возможности запастись оружием и старайтесь иметь револьверы, кинжалы, в особенности винтовки русских солдат. Настанет время, когда Россию настигнет бедствие, тогда мы, пользуясь случаем, одновременно сделаем общее нападение на проклятую Русь и божьей милостью отберем Туркестан. Царь будет из нашего народа»⁴⁷.

Нафигов Р.И. обращает внимание, что Г.Ибрагимов еще в 1913 г. задумывался об образовании государственности своего народа. Об этом, в частности, свидетельствует секретный жандармский сотрудник: Г.Ибрагимов в ответ на вопрос о будущем татар, возможности автономии загадочно ответил: «Может и нечто большее, по Волге и до Астрахани...»⁴⁸.

«Антипатриотические» настроения наиболее ярко проявились с началом военных действий против Турции. Как отмечает Сайфи Ф., уже «в дни Балканских войн 1912 г. казанские татары, как открыто, так и скрыто, поддерживали турок; газета «Юлдуз» превращается в уличную газету турецкого правительства. В результате чего ее тираж с 2500 поднимается до 4500 экз. «Стамбульские письма» Ф.Каримова, посылка из Казани на

турецкий фронт сестер милосердия - все это показывает симпатию татар к Турции»⁴⁹. Так же и в период 1-ой Мировой войны «массы были против войны, желали поражения России». Они пускали «в ход все средства сопротивления... с принудительными мобилизациями... портили себе уши, глаза, ноги, руки, занимались симуляцией, сдавались самовольно в плен и т.п.»⁵⁰. Среди офицеров российской армии татары составляли ничтожный процент⁵¹. Впоследствии, в эмиграции, Г.Исхаки напишет, «что передовые слои северных тюрков, как во время прежних войн, так и во время балканской и империалистической войны, всегда были за османских турок, и, что они всегда желали им победы»⁵².

Военные цензоры Казанского округа доносили, что «война некоторыми солдатами-татарами считается делом, не имеющим близкого отношения к интересам мусульман, во многих письмах встречаются выражения «я, находящийся в руках гяуров...», «мы, томящиеся на царской службе...», некоторые высказываются так: «пусть бог умиротворит сердца царей и побудит их положить конец войне»... один солдат пишет своим родным: «если вы не получили денежного пособия, то постарайтесь получить, чтобы деньги не остались в руках русских», вообще в их письмах замечается отчужденность от общего русского дела». Встречаются утверждения «что значит наша нация без всяких прав, у русских на войне присутствуют священники, которые приобщают своих солдат, а у нас, мусульман, этого нет. К нам мулл не назначают, не смотря на то, что у нас больше половины солдат мусульман, некоторые умирают без мулл и их хоронят вместе с русскими в одной могиле...»⁵³.

После провала летней компании 1915 г. пораженческие настроения еще больше усилились. Появившиеся в Закавказье и Крыму младотурецкие эмиссары возбуждали надежды (в случае победы центральных держав) на равноправие мусульман и даже установление в стране другого политического строя. «В Поволжье, в Казани наблюдались случаи устной пропаганды «пораженческих» теорий и даже попыток распространения воззвания, призывавшее мусульман «пробудится от сна, пока есть время и случай». Одно такое воззвание было, по словам Казанского губернатора, задержано в одной из типографий комитетом по делам печати»⁵⁴

В ноябре-декабре 1915 г. тюрко-татарская делегация (Ю. Акчурин, Али Гуссейн Заде, Мохаммед Эссад Эселиб Заде и Муким-эддин Бейтшаю и др.)⁵⁵ была принята в Вене министром президентом Штюргком и зам. министра иностранных дел графом Форгачем. В представленной записке от имени 20 млн. мусульман России были предъявлены требования: освобождения Бухары и Хивы от русского влияния, присоединения к ним Туркестана, административно-политической независимости кир-

гизских земель, восстановления Казанского царства и Крымского ханства, а также нейтрализации областей между Волгой и Каспийским морем⁵⁶. Затем они посетили Будапешт, где вручили графу Тисса меморандум с аналогичными требованиями. В последствии делегация отправилась в Берлин⁵⁷. Г.Исхаки в известной работе «Идель-Урал» прямо указывает на деятельность Заграничной группы тюрко-татар, которая организовывала особые отряды из пленных тюрко-татар в Германии для будущей борьбы с русской властью⁵⁸.

Таким образом, идея единой и неделимой Российской империи в среде лидеров татарского национального движения не вызывала священного трепета. И хотя царскую Россию еще никто открыто не называл «империей зла», но уже многим было ясно - «Карфаген должен быть разрушен»⁵⁹.

- ¹ Ибрагимов Г. Татары в революции 1905 г. - Казань, 1926.- С.26-27.
- ² Марджани Ш. О делах, происходивших в ханские времена. (Из книги «Мустафад ал-ахбар фи ахвал Казан ва Булгар») // Ветры Великих Булгар.- Казань, 1993.- С.3.
- ³ Шакуров Ф.Н. Развитие исторических знаний у татар до февраля 1917 года.- Казань, 2002.- С.66.
- ⁴ Юсупов М.Х. Шигабутдин Марджани как историк.- Казань, 1981.-С.47.
- ⁵ Более 20 проваленных проектов создания органов татарской периодической печати. См.: Каримуллин А.Г. У истоков татарской книги (от начала возникновения до 60-х годов XIX века).- Казань, 1971.- С. 188-203.
- ⁶ Валидов Дж. Очерк истории образованности и литературы у татар (до революции 1917 г.).- М-Петроград, 1923.- С.52.
- ⁷ Усманов М.А. О триумфе и трагедии идей Гаспринского // Исмаил Бей Гаспринский. Россия и Восток.- Казань, 1993.- С.9.
- ⁸ Гаспринский И. Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения //Исмаил Бей Гаспринский. Россия и Восток.- Казань, 1993.- С. 19, 20.
- ⁹ Там же.- С.22.
- ¹⁰ Там же.- С.27.
- ¹¹ Там же.- С.31.
- ¹² Там же.- С.38, 43.
- ¹³ Там же.- С.33.
- ¹⁴ Там же.- С.46.
- ¹⁵ Гаспринский И. Русско-восточное соглашение. Мысли, заметки и пожелания Исмаила Гаспринского // Исмаил Бей Гаспринский. Россия и Восток.- Казань, 1993.- С.70-72.
- ¹⁶ Там же.- С.67.
- ¹⁷ Там же.- С.69.
- ¹⁸ Беннигсен А.А. Исмаил Бей Гаспринский (Гаспралы) и происхождение джадидистского движения в России // Исмаил Бей Гаспринский. Россия и Восток.- Казань, 1993.-С.92.
- ¹⁹ Климович Л.И. На службе просвещения. О первой тюрко-язычной газете «Тарджеман» и ее издателе И.Гаспринском» //Исмаил Бей Гаспринский. Россия и Восток.- Казань, 1993.- С.113.
- ²⁰ Цит по: Беннигсен А.А. Указ. соч.-С.93.
- ²¹ Ильминский Н.И. Письма Н.И.Ильминского к обер-прокурору святейшего синода К.П.Победоносцеву.- Казань, 1898.- С.63-64.
- ²² Там же.- С.321.
- ²³ Там же.- С.41.
- ²⁴ Беннигсен А.А. Указ. соч.- С.93.
- ²⁵ Там же.- С.93-94.
- ²⁶ Абдуллин Я.Г. Джадидизм, его социальная природа и эволюция // Из истории татарской общественной мысли.- Казань: КФАН СССР, 1979.- С.95.
- ²⁷ Шакуров Ф.Н. Указ. соч.- С.66.
- ²⁸ Приложения // Аршаруни А., Габидуллин Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России.- 1931.- С.105.
- ²⁹ Касымов Г. Пантюркистская контрреволюция и ее агентура – султангалиевщина.- Казань, 1931.- С.11-12.
- ³⁰ Там же.- С.23.
- ³¹ Из татарской мусульманской печати. (Предлагаемые очерки были под псевдонимом Элиф-Би напечатаны в газете «Казанский Телеграф» за текущий год №№ 4539, 4575, 4678).- Казань, 1908.- С.1.
- ³² Шакуров Ф.Н. Указ. соч.- С.65.
- ³³ I Всероссийский съезд мусульман был проведен нелегально, под прикрытием паровой прогулки.
- ³⁴ Бигиев М. Ислахат эсаслары. (Основы реформ).- Петроград, 1915.- С.170.
- ³⁵ Приложения // Аршаруни А., Габидуллин Х. Указ. соч.- С.102.
- ³⁶ Хильми-паша в Казани 15, 16 и 17 апреля 1910 года.- Казань, 1910.- 23 с.
- ³⁷ Приложения // Аршаруни А., Габидуллин Х. Указ. соч.- С.102.
- ³⁸ Климович Л.И. Указ. соч.- С.104-105.
- ³⁹ Шакуров Ф.Н. Указ. соч.- С. 93.
- ⁴⁰ Там же. С. 104.
- ⁴¹ Тагиров Р.И. Революционная борьба и национально-освободительное движение в Поволжье и на Урале (февраль - июль 1917 года).- Казань, 1977.- С.68.
- ⁴² Шакуров Ф.Н. Указ. соч.- С. 107.
- ⁴³ Приложения // Аршаруни А., Габидуллин Х. Указ. соч.- С.111.
- ⁴⁴ Аршаруни А., Габидуллин Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России.- 1931.- С.46.
- ⁴⁵ Там же.- С.48.
- ⁴⁶ Кариев Габдрауф (Абду-Вахид Кари Абду-Рауф) – узбек, мулла (учитель), г. Ташкент, депутат II Государственной Думы. См.: Усманова Д. Мусульманская фракция и проблема «свободы совести» в Государственной Думе России (1906 – 1917). Таблица №2.- Казань, 1999.- С.132.
- ⁴⁷ Приложения // Аршаруни А., Габидуллин Х. Указ. соч.- С.107-108.

- ⁴⁸ Нафигов Р.И. Эволюция взглядов татарской интеллигенции по вопросу государственного суверенитета // История государственности республики Татарстан и современность.- Казань,1998.- С.39-43.
- ⁴⁹ Сайфи Ф. Татары до Февральской революции.- Казань, 1930.- С.35.
- ⁵⁰ Там же.- С.35,14.
- ⁵¹ Исхаки Г. Идель-Урал.- Казань, 1991.- С.47.
- ⁵² Касымов Г. Указ. соч.- С.52.
- ⁵³ Аршаруни А., Габидуллин Х. Указ. соч.- С.53-54.
- ⁵⁴ Там же.- С.54.
- ⁵⁵ В основном тюрко-татарская эмиграция в Турции: Юсуф Акчура – издатель газеты «Тюрк Юрду», Али Гуссейн Заде – редактор газеты «Фуюза», проф. университета, член комитета «Единение и Прогресс», Мохаммед Эсад Эселиб Заде – проф. богословия. В отношении Мукима Эддина Бейтшаю Тагирова Р.И., опираясь на данные журнала «Новый мир» и сообщение Департамента полиции от 1 января 1916 г., приводит вариант: Мухамед – эддин Бейджад. См.: Тагиров Р.И. Революционная борьба и национально-освободительное движение в Поволжье и на Урале (февраль - июль 1917 года).- Казань, 1977.- С.72.
- ⁵⁶ По данным Петроградского телеграфного агентства из Копенгагена от 8 декабря 1915 г. См.: Аршаруни А., Габидуллин Х. Указ. соч.-С.56.
- ⁵⁷ По данным французской газеты «Le Temps» от 14 декабря 1915 г. См.: там же.
- ⁵⁸ Исхаки Г. Указ. соч.- С.47-48.
- ⁵⁹ Так заканчивал каждую свою речь древнеримский консул и писатель Катон (234 – 149 гг. до н.э.), выражая насущный императив истории.